

ОКОЛО ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ УРНЪ.

(Изъ наблюденій очевидца).

ЕНЬ 26-го марта 1906 г. начался въ Москвѣ яснымъ, солнечнымъ, восхитительнымъ утромъ. Казалось, сама природа захотѣла отмѣтить этотъ торжественный день въ жизни нашей первопрестольной столицы, когда простые обыватели, впервые превратившись въ гражданъ, должны были почувствовать и доказать свою политическую зрѣлость. И надо отдать полную справедливость москви-чамъ-избирателямъ, даже самыи «сѣрымъ» изъ нихъ,— они шли исполнять свой гражданскій долгъ передъ родиной съ сознаніемъ громадной ответственности лежавшей на нихъ задачи. Объ этомъ свидѣтельствовали ихъ серьезныя, молчаливо-сосредоточенные лица, въ то время какъ они медленно, шагъ за шагомъ, строго соблюдая очередь, подходили къ столамъ, за которыми члены избирательныхъ комиссій принимали отъ нихъ бюллетени. Порядокъ всюду царилъ образцовый: полиціи совсѣмъ нечего было дѣлать, и она какъ-то сконфуженно ступевала.

— Посмотримъ, что-то скажетъ наша Москва!— слышалось въ этотъ день со всѣхъ сторонъ.

Всѣ почему-то ожидали, что выборы въ Москвѣ дадутъ совершенно иные результаты, нежели въ Петербургѣ, гдѣ конституціоналисты-демократы («кадеты») одержали верхъ надъ правыми партиями; думали, что старушка Бѣлокаменная, вѣрная традиціямъ старины и «исконнымъ началамъ», непремѣнно скажетъ свое слово, которое, исходя изъ самаго сердца Россіи, и должно считаться «истинно-русскимъ».

Однако и въ Москвѣ «кадеты» не дремали. Они бойко вели агитацию во всѣхъ избирательныхъ участкахъ, энергией и искусствомъ значительно превосходя своихъ противниковъ, такъ называемыхъ «октяристовъ», т.-е. членовъ «Союза 17-го октября» и торгово-промышленной партіи, объединившихся въ одинъ союзный блокъ. Съ ранняго утра 26-го марта ихъ агитаторы, съ зелеными значками «партіи народной свободы» въ петлицахъ, бѣшено мчались на лихачахъ, развозя во всѣ концы города «агитационную литературу»: программы, возванія, бюллетени и проч. Это была преимущественно учащаяся молодежь, сознательно и самоотверженно работавшая на пользу партіи, въ противоположность наемнымъ агитаторамъ отъ «блока», морально ничуть не заинтересованнымъ въ успѣхѣ своей пропаганды. Послѣднихъ можно было сразу отличить даже по внѣшнему облику,—по выцвѣтшимъ, стареньkimъ пальто, по сапогамъ «бутылками», по грубымъ манерамъ. Большинство изъ нихъ, обладая зычнымъ голосомъ, старалось, что называется, «взять плоткой», тогда какъ агенты конституціонно-демократической партіи весьма искусно умѣли воздѣйствовать на психику избирателей, индивидуализируя каждого изъ нихъ въ отношеніи приемовъ агитации: быстро оцѣнивъ клиента по внѣшности, «кадетъ» или «кадетка» говорили ему какъ разъ то, что нужно было сказать въ данный моментъ.

Обозрѣніе картины московскихъ выборовъ я началъ съ Тверского избирательного участка, наиболѣе центрального и интеллигентнаго по своему составу. Огромный вестибюль думы, ея великолѣпная лѣстница и коридоръ по направлению къ Малому залу и самый этотъ залъ кишмя кишѣли агитаторами. Кругомъ стоялъ невообразимый гомонъ. Въ ушахъ то и дѣло раздавалось: «Партія народной свободы! Союзъ 17-го октября! Граждане! голосуйте за партію народной свободы!»

Я сразу почувствовалъ себя атакованнымъ со всѣхъ сторонъ и съ трудомъ протискивался сквозь толпу юнцовъ и барышень, сдавшихъ мнѣ въ руки «партійную литературу».

— Граждане! тщательно провѣряйте списки кандидатовъ партіи народной свободы... Остерегайтесь поддѣлокъ! — басилъ какой-то юный студентикъ, перебѣгая изъ одного мѣста въ другое.

— Граждане! провѣряйте списки! Берегитесь обмана! — вторилъ ему звонкій женскій голосъ.

Оказалось, какъ я потомъ узналъ, «кадетами» была перехвачена масса конвертовъ «народной свободы», гдѣ были вложены списки кандидатовъ другихъ партій; впослѣдствіи же обнаружили еще болѣе ловкую штуку: на столъ «народной свободы» въ Маломъ залѣ кѣмъ-то весьма искусно была подложена кипа «смѣшанныхъ» бюллетеней, гдѣ только первыя три или четыре фамиліи были «кадет-

скія». Это обстоятельство произвело среди «кадетовъ» большой переполохъ, и они тотчас же принялись громогласно предупреждать избирателей, что «купцы плутуютъ».

Наконецъ, я—у самой лѣстницы,— и тутъ агитаторы, они выстроились въ двѣ шеренги, и нѣтъ никакой возможности спастись отъ ихъ печатныхъ листковъ, которые приходится машинально разсовывать по карманамъ и спѣшить подниматься вверхъ, стараясь не оглядываться по сторонамъ, а то сейчасъ же задержать и снабдить новымъ бумажнымъ балластомъ.

На верху опять препятствіе, и притомъ самого неожиданного свойства: двѣ очаровательныя барышни, брюнетка и блондинка, раздаются газеты.

— «Путь», сегодняшній номеръ, бесплатно!—мило выкрикиваетъ одна изъ нихъ нѣжнымъ, звонкимъ голоскомъ.—Прочтите воззваніе партіи народной свободы!

— Граждане!—восклицаетъ другая барышня.—Берите сегодняшній номеръ «Народнаго дѣла», берите бесплатно!

Обѣ барышни имѣютъ колоссальный успѣхъ: избиратели всѣхъ возрастовъ и положеній такъ и лѣнуть около нихъ, газеты разбираются живо.

— Ну, и молодцы же кадеты!—замѣчаетъ пожилой господинъ, безцеремонно разглядывая обѣихъ красавицъ.—Хорошую выставили приманку! Этакія двѣ штучки всякаго въ кадеты превратятъ, даже самого Грингмута!

Кругомъ послышался смѣхъ: острота понравилась.

Иду дальше. Вотъ и Малый думскій залъ. Здѣсь цѣлое вавилонское столпотвореніе: крикъ, шумъ, гамъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ ораторствуютъ, раздаются аплодисменты; передъ урнами длинные хвосты избирателей.

Всѣ урны одинакового образца. Онѣ сдѣланы въ видѣ четырехугольной тумбы изъ ясеневаго дерева, съ прорѣзомъ на верху, съ боковой поднимающейся стѣнкой, на которой изображенъ гербъ города Москвы. Такихъ урнъ нѣсколько.

Каждый избиратель подходитъ сначала къ столу, гдѣ, назвавъ свою фамилію, передаетъ одному изъ членовъ комиссіи входный билетъ; этотъ членъ, отыскавъ предварительно фамилію избирателя въ спискѣ и вычеркнувъ ее тамъ, ставить на билетѣ штемпель: «личность удостовѣрена»; послѣ этого избиратель подходитъ къ избирательной урнѣ, передаетъ стоящему тутъ другому члену комиссіи свой билетъ вмѣстѣ съ бюллетенемъ, и бюллетень опускается въ ящикъ,—вотъ и вся процедура выборовъ.

Пока я наблюдалъ эту картину, неожиданно произошелъ слѣдующій инцидентъ. У самаго входа въ залъ «блокисты» вывѣсили огромный плакатъ: «не голосуйте за представителей конституціонно-демократической партіи: если они возьмутъ верхъ, то это грозить

распаденiemъ Россіи». Кадеты немедленно вывѣсили рядомъ опровержение: «не вѣрьте, граждане: все, что говорится здѣсь о партіи народной свободы! — ложь и клевета». Около плакатовъ поднялся шумъ. Особенно неистовствовалъ одинъ изъ «торговопромышленниковъ», широкоплечій дѣтина, ростомъ въ косую сажень.

— Пр-правильно написано! Отъ кадетовъ все зло: ежели они верхъ возьмутъ—Россіи не сдобровать...

— Совершенно вѣрно,—поддержалъ его товарищъ, повидимому, изъ мелкихъ торговцевъ: — потому эти самые кадеты за жидовъ стоять...

— Бить ихъ надо, сукиныхъ дѣтей!—гаркнуль дѣтина, сердито сверкнувъ своими большими буркалами.—Ежели бъ я былъ губернаторомъ, я бы ихъ штыками разогналъ,—честное слово!

Въ разговоръ вмѣшался сѣденькій, небольшого роста старичикъ, полуинтеллигентнаго вида.

— Я не знаю, какой изъ васъ вышелъ бы губернаторъ,—ядовито замѣтилъ онъ дѣтинѣ,— а городовой получился бы хороший!

И онъ смѣрилъ дѣтину насмѣшилымъ взглядомъ съ головы до пяты. Тотъ вломился въ амбицію.

— А ты чего лѣзешь, ежели съ тобой не разговариваются?—огрызнулся онъ.—Проваливай своей дорогой!

Старикъ вспыхнулъ.

— Во-первыхъ, вы не смѣете обращаться ко мнѣ на «ты», — громко отчеканилъ онъ, — я вамъ не сватъ и не братъ... Это на-кальство!

— Ишь, ты... баринъ какой! Кадетъ!—презрительно кинулъ ему въ отвѣтъ дѣтина и отвернулся отъ него.

Вскорѣ плакаты обратили на себя вниманіе членовъ избирательной комиссіи и, по распоряженію предсѣдателя, признавшаго ихъ неумѣстными, были сняты со стѣны. Не знаю, чѣмъ кончился происшедшій изъ-за нихъ конфликтъ, потому что я поспѣшилъ покинуть думу и направился въ другіе участки.

Было около полудня, когда я подъѣхалъ къ огромному зданію Политехническаго музея, гдѣ происходили выборы по Мясницкой части. Агенты конституціонно-демократической партіи вели здѣсь чрезвычайно дѣятельную агитацию.

— Граждане, голосуйте за партію народной свободы!—кричать въ вестибюль сразу нѣсколько голосовъ.

— Граждане, провѣряйте списки, они невѣрны, въ нихъ подлогъ!—вторили имъ другіе.

— За вѣру, за царя! — выкрикиваетъ монархистъ и тутъ же прибавляетъ:—не голосуйте за евреевъ!

— Голосуйте за тѣхъ, кто стоитъ за цѣлостъ Россіи, кто за царя!—поддерживаетъ его товарищъ, обводя публику мутными глазами; походка у него нетвердая, слегка надтреснутый голосъ дрожитъ.

— Граждане, провѣряйте списки народной свободы: «октябрьсты» учинили подлогъ!—звуковымъ теноркомъ провозглашаетъ черноволосый студентъ съ закрученными кверху маленькими усиками.

Немедленно подлетаютъ къ нему два «октябристы», изъ коихъ одинъ длиннополый. Лица у нихъ красныя, точно они изъ бани вышли.

— Какой такой подлогъ?—обиженнымъ тономъ замѣчаетъ длиннополый.—Пожалуйста, такъ не выражайтесь!

— Такъ нельзя выражаться!—поддерживаетъ его другой октябристъ, болѣе интеллигентнаго вида.

— По-вашему нельзя такъ выражаться! А подлогъ можно дѣлать?—усмѣхнувшись, обрывается студентъ и съ презрѣniемъ поворачивается къ нимъ спиной.

«Октябрьсты» очень разобижены и, крѣпко ругнувшись, отходить отъ студента; длиннополый дѣлаетъ даже угрожающей жестъ по адресу противника и энергично сплевываетъ на полъ.

Вскрѣпъ происходитъ другой инцидентъ. Приходитъ какой-то священникъ, къ нему подлетаетъ миловидная барышня-«кадетка» и суетъ ему въ руки «литературу» партіи. Тотъ, молча, принимаетъ ее, но, пробѣжавъ глазами одинъ изъ листковъ, возгорается такимъ искреннимъ, неподѣльнымъ негодованіемъ, что моментально разрывается въ клочки всю «литературу» и нѣсколько разъ съ прекомичнымъ ожесточеніемъ отплевывается.

А въ это время, въ другомъ концѣ вестибюля, вдругъ раздаются шумныя, продолжительные рукоплесканія. Это привѣтствуютъ двухъ главныхъ вожаковъ конституціонно-демократической партіи, Милюкова и Гессена, пріѣхавшихъ въ Москву «на гастроли». Ихъ тотчасъ же окружаетъ цѣлая толпа «кадетовъ» и «кадетокъ», нѣтъ никакой возможности подойти къ нимъ близко, и едва слышно, что они говорятъ, по крайней мѣрѣ, до моего слуха долетаютъ лишь обрывки фразъ,—Гессенъ говоритъ громче, но общей связи въ его рѣчи все же никакъ нельзя уловить.

Отхожу разочарованнымъ и уже беспокойно поглядываю на часы. Медлить нельзя: впереди много дѣла.

— Кудаѣхатъ-то?—спрашиваетъ возница.

— Катаѣ на Домниковскую!

Здѣсь въ училищномъ зданіи происходили выборы по двумъ частямъ: Мѣщанской и Срѣтенской.

Вотъ пронесся мимо насъ лихачъ. У него зеленая лента черезъ плечо, а на ней крупная надпись: «партия народной свободы».

— Ишь, какой ряженый!—усмѣхнулся мой возница.—Точно на святкахъ! Дѣлать нечего господамъ-то!—закончилъ онъ сентенциозно.

При поворотѣ въ Скорняжный переулокъ моимъ глазамъ представилась такая картина: весь дворъ училищного зданія былъ сплошь усыпанъ обрывками газеты «Русскій Голосъ» и бюллетеней блока. Очевидно, что это было дѣло рукъ «кадетовъ», уничтожавшихъ ненавистную имъ «литературу».

Вхожу во дворъ. У подъѣзда и на лѣстницѣ зданія цѣлая толпа агитаторовъ всевозможныхъ ранговъ и оттѣнковъ: тутъ и «кадеты», и «блокисты», и члены «Союза русскихъ людей», и даже хоругвеносцы. Всѣ они орудуютъ не за страхъ, а за совѣсть. Гуль стоитъ неумолчный.

Межу прочимъ, наблюдаю любопытную сцену. Къ одному избирателю предупредительно подбѣгааетъ юркій «блокистъ» и суетъ ему въ руку листокъ:

— Возьмите бюллетень торгово-промышленной партіи, голосуйте за ея кандидатовъ!

Избиратель досадливо отмахивается отъ него, какъ отъ назойливой мухи, и идетъ впередъ. Тогда «блокистъ» нагоняетъ его снова и, протягивая тотъ же самый листокъ, говорить:

— Возьмите бюллетень партіи народной свободы, провѣренный, безъ обмана!

Избиратель береть бюллетень и, не читая, кладеть его въ карманъ. И—какъ знать?—быть можетъ, онъ опустилъ его потомъ въ урну по разсѣянности. По крайней мѣрѣ, я слышалъ, что нѣчто въ этомъ родѣ произошло въ другомъ участкѣ. Одинъ замоскворѣцкій купецъ, пока подходилъ къ урнѣ, всѣ карманы набилъ себѣ «партийной литературой», и въ самый рѣшительный моментъ подалъ вмѣсто монархического «кадетскаго» бюллетень. Говорять, что онъ долго потомъ ругался и требовалъ, чтобы ему вернули записку обратно.

Я уже собирался уходить, когда мимо меня два дюжихъ парня пронесли на рукахъ безногаго, разбитаго параличемъ старца лѣтъ 80-ти. Старецъ блаженно улыбался, его тусклые, кроткіе глаза сияли безконечнымъ торжествомъ, точно онъ явился праздновать одну изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ горячо любимой родины.

— Дождались, дождались свѣтлого дня... Слава тебѣ, Господи!—шамкалъ онъ беззубымъ ртомъ, крестясь и какъ-то порываясь впередъ всѣмъ тѣломъ.

Когда его поднесли къ урнѣ, то онъ подалъ бюллетень,—какъ я узналъ потомъ,—партіи «народной свободы», держа его обѣими дрожащими руками, какъ святыню, и со слезами на глазахъ сказалъ:

— Голубчики! 80 лѣтъ я дожидался этого счастливаго дня...
Теперь я могу спокойно умереть!

Появленіе этого старца произвело на всѣхъ присутствующихъ глубокое впечатлѣніе. Говорили потомъ, что нѣсколько человѣкъ изъ партіи «блока», узнавъ, что старецъ «голосовалъ за народную свободу», раздобыли себѣ «кадетскіе» бюллетени и... неожиданно стали ренегатами.

Слѣдующимъ этапомъ въ моихъ скитаньяхъ по Москвѣ былъ Басманный участокъ, пріютившійся въ александровскомъ коммерческомъ училищѣ на Старой Басманной. Здѣсь вся агитація была сосредоточена у деревянныхъ мостковъ, проложенныхъ отъ воротъ къ училищу по невылазной грязи на дворѣ. Публика здѣсь сѣрая, преобладаютъ агитаторы изъ «октябристовъ», артельщики, «молодцы» и разные другіе «люди» въ кавычкахъ.

На лѣстницахъ обращаютъ на себя вниманіе огромные, широко-вѣщательные плакаты,—почти всѣ отъ «блока». Это какія-то коленкоровыя (въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова!) простыни, съ которыми, конечно, не могутъ состязаться въ прочности обыкновенные бумажные плакаты «кадетовъ».

Но «кадеты» только посмѣиваются.

— Наша бумага прочнѣе коленкора будетъ!—заявляютъ они съ увѣренностью.

— Посмотримъ, чья возьметъ!—отвѣчаютъ «октябристы», предвкушая побѣду, въ которой они, повидимому, не сомнѣваются.

Дѣйствительно, ихъ много въ этомъ участкѣ, и они прекрасно сплочены. Ихъ агитаторы дѣйствуютъ смѣло, рѣшительно, берутъ быка прямо за рога. Замѣтивъ избирателя съ бюллетенемъ «народной свободы», агентъ «блока» тотчасъ же къ нему подскакиваетъ и начинаетъ его усовѣщивать:

— Помилуйте! что вы дѣлаете? За кого подаете?

— За кого надо, за того и подаю!—рѣзко отвѣчаетъ иной избиратель.

«Блокистъ» не унимается.

— Кадеты—первые враги Россіи,—продолжаетъ онъ,—они хотятъ привести ее къ гибели, раздѣлить ее, продать жидамъ...

Если избирателя можно отнести по вѣшности къ какомунибудь ремесленному цеху, агитаторъ «блока» пробуетъ поиграть на другой стрункѣ.

— Послушайте, милый человѣкъ,—начинаетъ онъ,—если вы будете голосовать за кадетовъ, то сами себѣ выроете яму: кадеты разорять васъ забастовками, они пустятъ васъ по миру съ вашими семьями... Это—безбожники, революціонеры... Попробуйте только выбрать ихъ въ думу, вы безъ работы будете сидѣть, вы будете

голодать и холодать... Вотъ вамъ бюллетень,— берите! Здѣсь выставлены всѣ наши лучшіе кандидаты...

Послѣ нѣкотораго раздумья избиратель принимаетъ бюллетень, и «блокистъ» торжествуетъ побѣду.

Когда я поднимался по лѣстницѣ, меня настигъ какой-то господинъ въ темныхъ очкахъ и съ растрепанной прической. Видѣ у него былъ дикій, и я подумалъ, что это, вѣроятно, «истинно русскій человѣкъ». Дѣйствительно, онъ, не говоря ни слова, сунулъ мнѣ въ руку бюллетень, отмѣченный на верху осьмиконечнымъ крестомъ, изъ чего я уже могъ смѣло заключить, что это былъ агентъ «монархической партіи», и побѣжалъ дальше, не давъ мнѣ опомниться ни одной секунды.

А въ это время съ верхней площадки лѣстницы раздавались окрики членовъ избирательной комиссіи:

— Тише,тише! Нельзя же такъ шумѣть!

Любезно принявъ на себя исполненіе полицейскихъ обязанностей, гг. члены осаживали такимъ образомъ не въ мѣру расходившихся внизу агитаторовъ.

Ѣду въ Лефортово. Это—одинъ изъ наиболѣе интересныхъ участковъ. Народный домъ на Введенской площади—главная цитадель «октябристовъ». Здѣсь кипитъ страстная, ожесточенная борьба партій, здѣсь орудуетъ самъ лидеръ «Союза 17-го октября», А. И. Гучковъ. Онъ сидитъ около одного изъ двухъ избирательныхъ ящиковъ. Говорили, что онъ сильно сомнѣвался въ побѣдѣ «блока»; но видѣ у него совершенно спокойный: какъ истинный европеецъ, онъ отлично умѣеть владѣть собой.

Самая страстная агитация идетъ на улицѣ, передъ Народнымъ домомъ. Огромная толпа разбилась на группы, въ которыхъ кипятъ горячіе споры. Между «kadетами» и «октябристами» въ одномъ мѣстѣ происходитъ ожесточенная схватка. Какой-то «молодецъ» изъ мелкихъ лавочниковъ особенно горячится и размахиваетъ руками.

— Скажите на милость, почему такое я долженъ по-заграничному жить, коли я—русскій человѣкъ? Дѣды не глупѣе насть были, а жили по-своему, не обезьянничали,—значить, и намъ нечего у себя заграничные порядки заводить, безъ нихъ проживемъ... Что у насть умныхъ людей, что ли, нѣтъ?

— Какъ не быть? Есть и у насть умные люди, — отвѣчаетъ ему собесѣдникъ, по внѣшнему виду, мастеровой,—только они больше по тюрьмамъ сидятъ.

Въ публикѣ слышится смѣхъ. «Молодецъ» горячится еще больше.

— Отъ этихъ умниковъ вашихъ добрымъ людямъ житья нѣтъ—вотъ что! Они и дураковъ-то всѣхъ перебаламутили... Бран-

тишка у меня меньшой, въ школу еще бѣгаетъ, а тоже баррикады строилъ, съ дружинниками компанію водилъ...

Въ разговорѣ неожиданно вмѣшивается новое лицо неизвѣстной профессіи, съ виду полуинтеллигентъ: на немъ старенькое, порыжѣвшее пальто, изъ-подъ воротника котораго виднѣется грязный воротничекъ накрахмаленной рубашки.

— Ну, такъ что жъ, что вель компанію съ дружинниками?² началъ «полуинтеллигентъ» съ большимъ задоромъ.— Все лучше, чѣмъ съ черной сотней-то яківаться!

— А съ какой такой черной сотней?—позвольте васть спросить!—вскипѣлъ «молодецъ».—Кого это вы такъ величаете-сь?

— Кого? Вану партію! Всѣхъ, которые противъ народной свободы, которые думаютъ, что народъ можно воспитать при помощи казацкой нагайки, вотъ кто—черная сотня!

— Ну, а вы—красная сотня!—выпалілъ «молодецъ», окончательно обозлившись на своего противника.—Мы за вѣру и за царя стоимъ, а вы за жидовъ... Не кадеты вы, а революціонеры!

Къ спорящимъ подходитъ чуйка и вставляетъ свои замѣчанія:

— Правильно сказано! Отъ этихъ самыхъ кадетовъ для Расеи погибель... Вонъ теперьча губернатора Слѣпцова убили,—черезъ кого? Все черезъ нихъ же, черезъ кадетовъ...

— Вѣрно, вѣрно!—послышалось сразу нѣсколько голосовъ.—Выслать ихъ нужно, мерзавцевъ!

Началась перебранка между отдѣльными лицами, быстро переходя въ отборнѣйшую ругань. Поднялся невообразимый шумъ, кое-гдѣ начиналась драка...

Пришлось покинуть Лефортово подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ.

Отсюда я сдѣлалъ большой перегонъ, исколесивъ, по крайней мѣрѣ, полъ-Москвы, и очутился въ зданіи Мирового съѣзда, где происходили выборы по Якиманской части. Здѣсь преобладала «сѣрая» публика, среди которой такъ и шныряли агенты блока. Нѣкоторые изъ нихъ обращались съ избирателями крайне безцеремонно. Я, напримѣръ, былъ свидѣтелемъ, какъ «блокистъ» схватилъ за плечи одного избирателя, одѣтаго въ длиннополый кафтанъ, и потащилъ его къ окну.

— Видишь, — указалъ онъ ему на храмъ Спасителя, — если партія народной свободы одержитъ верхъ, то въ этомъ храмѣ будеть еврейская синагога!

Запуганный такимъ предсказаніемъ избиратель послѣшилъ, разумѣется, отречься отъ всякой народной свободы и признать себя сочувствующимъ партіямъ союзного блока.

Другой агитаторъ почему-то неизмѣнно повторялъ одну и ту же нелѣпую фразу: «Если въ Сибирь желаете, голосуйте за партію

народной свободы!» Съ нимъ, между прочимъ, произошелъ на моихъ глазахъ такой инцидентъ. Проходитъ мимо него молодой еще парень на костыляхъ: у него отрѣзана правая нога. «Блокистъ», какъ попугай, произносить свою фразу. Вдругъ парень останавливается и бросаетъ на него негодящій взглядъ.

— Я за народную свободу,—громко отчеканиваетъ онъ.—Что? Взялъ? Вотъ тебѣ и Сибирь!

Послѣ нѣкоторой паузы онъ прибавилъ:

— Въ Сибирь-то, знаешь, кто долженъ пойти? Тѣ, которые довели Россію до позора, которые разорили ее, которые погубили тысячи невинныхъ жертвъ.

Меня заинтересовала интеллигентная рѣчь этого парня, по внѣшности, простолюдина, и, улучивъ потомъ удобный моментъ, я съ нимъ заговорилъ. Оказалось, что это былъ фабричный рабочій, окончившій начальную школу. Во время декабрьского восстанія въ Москвѣ ему оторвало ногу осколкомъ гранаты,—и вотъ онъ сталъ калѣкою и лишился заработка. Бѣднягѣ нечѣмъ было бы существовать съ большой семьею; если бъ не заботился о немъ одинъ благотворитель, назначившій ему ежегодную пенсию. Кое-какъ онъ перебивался, не прося милостыни, и чтеніе сдѣгалось теперь его любимымъ занятіемъ. Онъ читалъ рѣшительно все, что попадалось ему подъ руку, но особенно восхищался Максимомъ Горкимъ, въ которомъ видѣлъ нѣчто родственное себѣ по духу.

Было уже около 8 часовъ вечера, когда я, разгуливая по Москвѣ и наблюдая картину выборовъ, вспомнилъ, что не успѣлъ еще осуществить своего собственнаго избирательного права. До окончанія выборовъ оставалось не болѣе часу, и я долженъ быть успѣшить на Міусскую площадь, где въ огромномъ училищномъ зданіи происходили выборы по Сущевскому участку, въ которомъ я былъ записанъ.

На площади и на дворѣ передъ домомъ—изрядная толпа. Агитаторы такъ и снуютъ. Одинъ еврей усердно предлагаетъ мнѣ газету «Путь» и бюллетень партіи народной свободы, но я отказываюсь, такъ какъ ни въ томъ, ни въ другомъ не нуждаюсь. Вхожу въ вестибюль и поднимаюсь по лѣстницѣ. Здѣсь уже какая-то барышня суётъ мнѣ все тотъ же неизмѣнныій «Путь» и опять «ка-детскій» бюллетень.

— Не нужно,—говорю,—у меня есть!

— Возьмите еще!—нѣжно звучитъ дѣвичій голосокъ.

Дѣлать нечего: беру лишній бюллетень и кладу его въ карманъ. Потомъ поднимаюсь выше и совершаю все то, что отъ меня требуется по части выборной процедуры.

Среди членовъ комиссии встрѣчаю нѣсколько знакомыхъ лицъ. Вотъ бывшій товарищъ городского головы, И. А. Лебедевъ, монархистъ *rig sang*. Онъ сосредоточенно-угрюмъ и мраченъ: видно, что сердце его чуетъ недоброе.

— Ну, что, Иванъ Алексѣевичъ, плохо? — спрашиваю его.

Онъ безнадежно махнулъ рукой.

А вотъ «октябристъ» и профессоръ Д. Н. Головнинъ. Этотъ тоже сидитъ за столомъ, какъ въ воду опущенный. Я успѣлъ перекинуться съ нимъ двумя-тремя словами и увидѣлъ, что онъ самъ относится къ своимъ шансамъ попасть въ выборщики болѣе, чѣмъ скептически, вѣрнѣе даже, потерялъ всякую надежду на это.

Далѣе встрѣчаюсь съ милѣйшимъ И. П. Чеховымъ, братомъ Антона Павловича. У И. П. лицо сияетъ радостью.

— Побѣда кадетовъ несомнѣнна, — объявляетъ онъ съ торжествующей улыбкой. — Теперь это окончательно выяснилось: кадетовъ будетъ не менѣе восьмидесяти процентовъ!

— Однако! Это въ черносотенномъ-то участкѣ? — выразилъ я удивленіе.

— Вотъ подите же! Нельзя было ожидать... Много здѣсь перебывало всякаго народа, глазъ наметался достаточно, а все-таки приходится ошибаться на каждомъ шагу. Иного избирателя, кажется, безошибочно можно опредѣлить: видъ свирѣпый, волосы рыжіе, всклоченные, — навѣрное, думаешь, либо монархистъ, либо «погромныхъ дѣлъ мастеръ»... Смотрите, а онъ подаетъ кадетскій бюллетень...

— А вы почемъ знаете, что кадетскій? Развѣ это видно?

Иванъ Павловичъ улыбнулся.

— Не видно, но наощупь можно сейчасъ же различить: кадетскіе бюллетени мягкие, у октябристовъ они немного жестче, а монархистскіе бюллетени совсѣмъ шершавые.

Блестящая побѣда партіи народной свободы въ Москвѣ стала извѣстна на другой день вечеромъ: всѣ сто шестьдесятъ выборщиковъ оказались «кадетами». Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что болѣе 80% общаго числа избирателей воспользовались своимъ избирательнымъ правомъ, такъ что въ этомъ отношеніи старая «салонница» Москва значительно опередила молодой, культурный Петербургъ, гдѣ къ избирательнымъ ящикамъ явилось всего только 62 процента.

Князь Б. А. Щетининъ.

